

Усеченные прилагательные в русской поэзии

© А. С. КУЛЕВА

Использование усеченных прилагательных считается характерной чертой языка поэзии XVIII века, например: “Поля покрыла *мра́чна* ночь; Взошла на горы *черна* тень; *Несчетны* солнца там горят” (М. Ломоносов) [1]. (Курсив здесь и далее наш. – А.К.) Эти прилагательные находили отражение в филологических трудах поэтов XVIII века Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, в научной литературе XIX–XX веков (например, в работах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.М. Живова), упоминаются в учебной и справочной литературе. Анализ различных точек зрения позволяет определить усеченные прилагательные как особого рода краткие прилагательные (восходящие к древним именным прилагательным), использующиеся в языке поэзии в атрибутивной функции (в именительном и в некоторых косвенных падежах).

Принципиальное отличие усеченных форм от кратких можно свести к следующему. Тогда как краткие предикативные формы в современном русском языке можно образовать только от качественных прилагательных и страдательных причастий, усеченные формы образуются и от слов других разрядов: относительных прилагательных (*бумажны* горы), форм превосходной степени прилагательных (*яснейша* дня), дей-

ствительных причастий (кораблю *бегущу*). В отличие от кратких прилагательных, усеченные прилагательные склоняются, хотя и не имеют полной парадигмы склонения. Они, как правило, сохраняют ударение на основе, тогда как в краткой форме ударение переносится на окончание (*мра́чна* ночь, но ночь *мрачнá*). В усеченных страдательных причастиях помимо ударения может сохраняться и *ни* в суффиксе (*пронзённы*, *венчáнны*). Важнейшее различие заключается в том, что краткие прилагательные выступают только в предикативной функции, а усеченные – в атрибутивной [1, 2]. Кроме того Г.О. Винокур как одно из доказательств искусственного происхождения усеченных форм рассматривает их употребление в значении субстантивированных прилагательных [2. С. 252–253].

Именно эти отличия традиционно упоминаются как черты, доказывающие искусственность усеченных прилагательных. Однако обращение к истории литературного языка показывает, что перечисленные особенности изначально могли встречаться в кратких прилагательных (т.е. древних именных прилагательных), употребленных как в атрибутивной, так и в предикативной функции.

Особенно важен вопрос о роли, которую усеченные прилагательные играют в поэтическом тексте. На этот счет существуют две основные точки зрения. В соответствии с первой усечения рассматриваются исключительно как одна из поэтических вольностей, технический версификационный прием, “призванный облегчать труд стихотворца” [2. С. 246]. В рамках второй усечения определяются как стилистический прием, хотя многими исследователями стилистическая функция усечений отрицается [1; 2; 3]. Обзор большого массива текстов, содержащих усеченные прилагательные, показывает, что они употребляются и в той, и в другой функции в зависимости от эпохи, целеустановки и стилистических предпочтений автора. Наглядный пример этого – поэзия М. Кузмина [4].

Рассмотрение и сопоставление употребления усеченных прилагательных в поэзии различных авторов XVII–XX веков позволяют говорить об эволюции употребления усеченных прилагательных в языке русской поэзии.

Первоначально в поэтическом языке XVII–XVIII веков использовались древние именные прилагательные в своей изначальной функции, естественные для церковнославянского языка и не так давно и не до конца утраченные в русском языке (употреблявшиеся в книжном языке, в языке фольклора). Именно такие формы в грамматиках церковнославянского, а затем русского языка назывались “усеченными” в отличие от “целых прилагательных”, т.е. местоименных форм [5]. В языке силлабической поэзии XVII века можно отметить такие примеры: “юноши *светлы* предстоят”; “из *мутны* тины *чиста* вода не истекает”; “в *злохитру* и *лукаву* душу”; “несть бо *такова* *благочестива* царя-государя”.

В силлабо-тонической поэзии XVIII века, учитывая традицию силлабической поэзии, усеченные прилагательные стали использоваться не только как привычный элемент языка, но и как версификационный элемент, поскольку этого требовала более строгая ритмическая организация стиха. В связи с этим усеченные прилагательные несли стилистической нагрузки (например, могли употребляться в произведениях разных жанров), хотя их церковнославянское происхождение могло придавать им книжный характер, например:

Отечество мое молчать не будет,
 Что мне беззатной род препятством не был,
 Чтоб внести в Италию стихи *эольски*
 И первому звенеть Алцейской лирой.

(М.В. Ломоносов. "Я знак бессмертия себе воздвигнул...", 1747).

К концу XVIII века стало усиливаться внимание к жанрам среднего стиля, возник интерес к национальной культуре, стали появляться фольклорные стилизации (поэзия Львова, Нелединского-Мелецкого, Муравьева), стал меняться язык поэзии. Если Тредиаковский в своих филологических трудах говорил о невозможности употребления в языке серьезной поэзии народных выражений типа "бел шатер", то уже Ломоносов сближал усеченные прилагательные с фольклорными эпитетами (типа "калена стрела") [6; 7]. Интересно, что краткие формы очень быстро перестали различаться по источнику заимствования (ср. "красна девица", "лютю горесть" и "красна Флора", "люты воспоминанья"). Например, в языке фольклорных стилизаций конца XVIII – начала XIX века употребляются как традиционные фольклорные эпитеты "тих светел месяц", "красно солнышко", "по синю морю", так и, несомненно, литературные усечения: "цветочки ароматны", "нежны птички".

Далее в своем развитии поэзия все более и более противопоставлялась прозе [8], что нашло отражение и в языке: так, к началу XIX века рассматриваемые прилагательные стали осознаваться как поэтизм, как отличительная черта языка поэзии. Эволюция использования усечений в поэзии первой половины XIX века очень четко прослеживается на примере творчества А.С. Пушкина: обилие поэтических штампов в ранней поэзии ("снежну грудь", "нежду руку", "томну главу", "небесны очи", "могильну сень"), использование усеченных прилагательных как средства пародирования поэзии классицизма. Например, в "Оде его сият. гр. Дм.Ив. Хвостову" (1825) употребляются такие формы: "древни клады", "предерзко судно", "правдива лесть", "правдиву похвалу", "кораблю бегущу". Происходит практически полное исчезновение усеченных прилагательных из языка зрелой поэзии Пушкина, появление их в качестве фольклорного элемента ("Песни о Стеньке Разине",

“Песни западных славян”) и, наконец, использование в стихотворениях последних лет с яркой стилистической окраской возвышенного стиля (“Отцы пустынноики и жены *непорочны*”).

Поэзия второй половины XIX века характеризуется яркой тенденцией к демократизации языка – как элемент высокого стиля усеченные прилагательные мало востребованы (например, в поэзии Тютчева). Они используются либо с фольклорной стилистической нагрузкой (Некрасов, Кольцов), либо с пародийной (Минаев), как в стихотворении-посвящении В.С. Курочкина П.А. Ефремову:

*Изданну книжицу мной подношу вам, друже.
Аще и не нравен слог – мните, мог быть хуже.
Чтите убо без гневу, меня не кляните:
Невозможно на Руси Беранжерам быти.*

В поэзии Серебряного века усеченные прилагательные используются для стилизации не только фольклора, но и высокого стиля. В частности, в религиозной поэзии М. Кузмина встречаем такие примеры: “*архангельски* гласы”, “*встают праведны*”, “*злату* трубушку”, “*река огненна*” (“Стих о пустыне”, “Страшный Суд”, 1903); “*гроб белеется беломраморен*” (“Успение”, 1909); “*землотряси* гробы зияют *зимны*”, “*златокованны* цепочки” (“Страстной пяток”, “София”, 1917).

Усеченные прилагательные употребляются в поэзии на протяжении всего XX века. Например, у Л. Мартынова в четырех поэмах находим около 90 усеченных форм прилагательных, причастий, местоимений: “И не *таку тяжелу* кладь перевозили на возу!”, “И *глупы* пьют, и *мудры* пьют!” (“Тобольский летописец”) [9].

Продолжают использоваться усеченные прилагательные и в современной поэзии, в большей степени – в творчестве поэтов, ориентирующихся на традицию. Например, в поэзии А. Башлачева: “*биты* кирпичи”, “*Снежна* Бабушка” (“Егоркина былина”); “Вы швыряли *медну* полушку Мимо нашей шапки терновой” (“Некому березу заломати”); “Как из *золотá* ведра каждый брал своим ковшом”; “Как из *золотá* зерна каждый брал на каравай” (“Все будет хорошо”); С. Калугина: “*Мраморна* дева в святом постоянстве Следит, как невидимый праздным глазам Белый кораблик из дальнего странствия К дому скользит по лазурным стезям” (“Неаполитано”); А. Непомнящего: “Звездочетов, как грязи – *сплошны* облака, И поэтому каждый знает точно, где рай” (“Вертолет”); “Ой, на сон грядущий эти сказочки *страшны* Для братцев-пискарей, жизнью умудренных Скучно тратить время, толковать им напрасно Про победу павших и радость обреченных” (“Апофатия”); М. Ляшко: “Под землей гробы, На земле сугробы, А на небе *ясны* солнышки. Им всё ясно. Они красны, Они зелены, Они голубы. *Ясны* солнышки Солono хлебавшие, Знавшие всё, Но не упавшие,

Ни сном, ни духом Не упавшие на землю. Ясны солнышки, Ясны солнышки – Красны, зелёны, голубы – Любы” (“Ясны солнышки”).

Усеченные прилагательные в языке русской поэзии имеют богатую историю и как своеобразное явление грамматики заслуживают внимания и изучения.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. С. 216–217.
2. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. М., 1991. С. 252–253.
3. *Живов В.М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
4. *Кулева А.С.* Усеченные прилагательные в языке поэзии Михаила Кузмина // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). М., 2006. С. 222–224.
5. *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. М., 1986. С. 84.
6. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 233–234.
7. *Тредиаковский В.К.* Избранные произведения. М.–Л., 1963. С. 379.
8. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
9. См. *Кулева А.С.* Усеченные прилагательные в поэзии Леонида Мартынова // Русская речь. 2007. № 2. С. 31–35.

